

(Отец Пантелеимон написал это письмо в 2012 году, но попросил его открыть и прочитать лишь после смерти митрополита Ефрема)

Во Имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

«Когда поставит Бог Небесный царей по этой земле, они станут, как снег на Селмоне.» (Псалом 67:15)

Возлюбленные отцы и матери, христиане,
Благословите +

Осенью 1958 года, когда я приехал в Бостон, пытаюсь найти способы вернуться в Грецию и получить греческое гражданство, чтобы проживать на Святой Горе, я пребывал в течение недели в Богословской школе [то есть в Семинарии Святого Креста], а затем тогдашним епископом Афинагором (Коккинакисом) (*прим. - управляющий Третьим (Бостонским) Округом американской Архиепископии КП, декан Семинарии Святого Креста*) мне было оказано гостеприимство в епархиальном доме Святого Андрея на Jamaica Plain (*прим. - район Бостона*).

В один солнечный день я, с группой профессоров, сидел на скамейке под большим раскидистым дубом, который теперь уж давно рухнул. Среди них было трое греков, которых я знал раньше, и один недавно прибывший американский преподаватель, доктор Ричард Стоктон. Во время нашей беседы, я посмотрел вниз - на изгиб дороги, ведущей к главному зданию школы, и увидел группу из трех или четырех семинаристов, которые приближались к нам с той стороны. Я не знал тогда ни одного из них.

Они находились на небольшом расстоянии от нас. И меня поразило то, что лицо одного из них озарялось ослепительными вспышками света, как будто это было зеркало, отражавшее солнечный свет. Из-за этого я даже не мог различить его черты.

Когда они подошли к тому месту, где мы собрались, то поприветствовали нас и пошли своим путем. Затем, не рассказывая никому об увиденном мною, я спросил профессоров, как зовут этого молодого человека. Они ответили, что его зовут Георгий Спанос, и что он является одним из их лучших учеников, как по характеру, так и по учебе. Я хорошо запомнил его имя, ничего более им не сказав. Только заметил вслух, что у него красивое имя, - Георгий, - и что я сам очень люблю святого великомученика Георгия, который также и мой Небесный покровитель.

В следующем, 1959 году, когда у меня появилась возможность общаться как с этим молодым студентом, так и с другими студентами, у нас сложились с ними весьма дружеские отношения.

Это были годы, когда отцы Георгий Флоровский и Иоанн Романидис ещё преподавали в этой Богословской школе, и студенты там получали хорошее богословское образование как в области православного вероучения, так и благочестия. Я оказался первым православным монахом, которого встретили студенты, и много рассказывал им о своем опыте на Святой Горе и Святой Земле, где я пробыл значительное время, особенно о святых старцах Иосифе Пещернике и Иоанне Румыне. Некоторые из

учеников даже написали старцу Иосифу и попросили его молить, а он ответил им наставлениями.

Шли годы, за которые между мной и профессорами отцами Георгием Флоровским, Иоанном Романидисом, и мирянином Ричардом Стоктоном сложилась крепкая дружба. Затем, в 1962 году, доктор Стоктон решил стать монахом, и внес предоплату за тот дом, который мы купили в Jamaica Plain на Orchard Street. Летом того же года, во время посещения Святой Горы, он был пострижен там в рясофор с именем Арсений.

Вернувшись в США, мы жили вместе в маленьком деревянном домике на Orchard Street в Jamaica Plain, и вот, в сентябре отец Арсений, бывший Ричард Стоктон, отправился в Богословскую школу, чтобы занять свою преподавательскую должность. Но как только администрация Семинарии увидели, что он в монашеской одежде, а на голове его – скуфья, то скоро уволили его, так как не хотели, чтобы кто-либо из монашествующих оказал на семинаристов влияние, и у тех возникло бы желание стать монахами.

Отец Арсений был глубоко эрудированным человеком не только в классической – греческой, латинской и мировой литературе, - но также в церковной архитектуре, иконографии, литургике и т. д., почему многие из учеников восхищались им, и смотрели на него как на пример для подражания. Сказывалось и влияние на них отцов Георгия Флоровского и Иоанна Романидиса, высоко ценивших монашество. Среди таких семинаристов были, в частности, Георгий Спанос, Панайотис Скордакис и Иоанн Адондакис, которые впоследствии стали отцами Ефремом, Харалампием и Исааком.

Когда отца Арсения уволили с должности преподавателя Семинарии Святого Креста за то, что он стал монахом, многие ученики были огорчены и воспринимали его как героя, пострадавшего несправедливо. Семинаристы оказались еще более встревожены и опечалены, когда, немного погодя, по настоянию нового архиепископа Иакова, был также уволен и отец Георгий Флоровский, а из-за этого в знак протеста подал в отставку целый ряд профессоров, в том числе, декан Семинарии отец Пантелеимон Родопулос и отец Иоанн Романидис.

Именно тогда Георгий Спанос, который уже был выпускником, подошел ко мне и выразил своё желание присоединиться к нам с отцом Арсением, и стать монахом. Я посоветовал ему молиться об этом, но в Семинарии о его желании никому ничего не говорить. Так он и начал свой последний год в школе Святого Креста.

Здесь, в греческой архиепископии, существовала традиция, что за месяц до окончания обучения в школе Святого Креста, духовенство и миряне наиболее крупных приходов Нью-Йорка и его окрестностей посещали эту школу и устраивали смотрины, чтобы найти себе подходящего кандидата на место второго священника. Они опрашивали преподавателей, кто, по их мнению, были лучшими учениками как по характеру, так и по успеваемости, а затем подходили к семинаристам, предлагая им должность второго священника в своих приходах. Естественно, с выбранными кандидатами обсуждалась будущая зарплата и возможные удобства для тех, а в некоторых случаях наготове даже была потенциальная невеста из прихода, если молодой студент еще не был ни с кем помолвлен.

Имя Георгия Спаноса вновь и вновь называлось всеми, как имя одного из лучших учеников выпускного класса, поскольку никто не знал о его намерении стать монахом.

Поэтому к нему однажды подошли люди из прихода, который находился в одном из районов Нью-Йорка, и сделали очень заманчивое предложение, включающее в себя даже имеющуюся у них невесту.

На тот момент Георгий Спанос был фермером из Лоди, штат Калифорния, где его родители владели виноградником площадью в десять акров. Он был самым младшим из семи мальчиков в семье. Сделанное ему предложение поражало. Он являлся всего лишь выпускником, а перед ним уже разворачивалась перспектива светлого и комфортного будущего. Будущая невеста уже сопровождала делегацию. Приход был большой и богатый, и было ясно, что однажды он станет в нём настоятелем. Если он примет предложение, его родители смогут уйти на пенсию, и он получит возможность заботиться о них, и т.д.

Будучи скромным парнем, он никогда не имел о себе высокого мнения, и вот, внезапно оказался в центре внимания. Это стало для него большим искушением, он начал колебаться и поддаваться ему. Он тогда пришёл ко мне, и сообщив о последних событиях, спросил, может ли быть освобожден от данной им клятвы стать монахом? Я ответил ему, что клятва была дана не мне, а нашему Спасителю. Поэтому лично я не мог освободить его от данного обета. Ведь это - отношения между ним и Господом. Затем он спросил меня, могу ли я помолиться, чтобы получить ответ с Небес в его затруднительном положении? Я сказал, что буду поститься и молиться, и что он тоже должен молиться, а если я получу какой-либо ответ или указание свыше, то расскажу ему.

Поэтому, хотя это и было сразу после Пасхи, я постился и искренне молился, чтобы наш Спаситель открыл нам, какова была Его святая воля. Прошли дни, и приблизилось Преполование Пятидесятницы, - праздник, который был особенным для нашей Синодии. На вечерне праздника я читал три паремии из Ветхого Завета. Во время второго чтения, которым является отрывок из Книги пророка Исайи, я прочитал то его место, где говорится:

«Как дождь и снег нисходят с неба и туда не возвращаются, пока не насытят землю и не сделают ее способною родить и произращать, чтобы она давала семя сеятелю, и хлеб ядущему - так и слово Мое, которое исходит из уст Моих, - оно не возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего Я послал его... и Я сделаю Мои пути и Мои заповеди процветающими, ибо вы выйдете с весельем и будете провожаемы с миром; горы и холмы будут петь пред вами песнь, и все деревья в поле рукоплескать вам...и это будет во славу Господа, в знамение вечное, несокрушимое... и Господь будет для Имени и вечного знамения, - говорит Господь Бог, Святой Израилев. (Ис.55:10-13)».

Моё сердце и мой разум были в этот момент открыты, и в созерцательном откровении я получил безмолвный ответ о том, что обет Георгия не может быть отменён. Я осознал, что в этом юноше есть нечто особенное, хоть и не получил тогда вразумления от Бога, что же именно.

Поэтому, когда он позже посетил меня, я рассказал ему, что испытал во время чтения пророчества, и почему он не может отменить данный им обет. Он послушно принял такой ответ, как исходящий от Самого Бога, и после окончания Семинарии поступил прямо в монастырь, к удивлению всех, кто его знал.

Затем он написал родителям о своем решении стать монахом, и попросил их благословения, сказав, что не вернется в Калифорнию. Когда его мать ответила, что он должен хорошенько подумать над своим выбором, то мы оба, - и он и я, - сочли, что его родители недовольны, и желают, чтобы он передумал. Поэтому я и посоветовал ему ответить им в том духе, что ведь они сами воспитали его в благочестии, а теперь, когда он пожелал полностью посвятить себя Богу, выражают своё недовольство его намерениями. К нашему великому удивлению, она ответила, что они с мужем даже не пытались переубедить его, но ему стоит поразмыслить как следует о принятом решении. Ибо, если бы он поступил как-либо иначе, даже женился, а через несколько лет захотел изменить свое решение, то смог бы сделать это легко. Но если посвятить себя Богу в монашестве, и через несколько лет заключить, что совершил ошибку, и уйти - значит лишиться спасения и потерять свою душу. И стать для них раной, вместо благословения.

И вот, весной 1963 года юноша Георгий Спанос стал послушником. Летом того же года он путешествовал вместе со мной и другими людьми в Грецию, а в августе, находясь на Святой Горе, он был пострижен там как рясофорный монах с именем Ефрем. В то время сам я был диаконом.

Осенью того же года мы вернулись в США на торговом судне.

Три года спустя я был уже священником канонического возраста, и рясофорный монах Ефрем был в нашей часовне на Orchard Street пострижен мной в Великую Схиму. Отец Арсений же был пострижен в Великую Схиму на Святой Горе несколькими годами ранее.

Лишь несколько человек из нашего Братства были тогда в постриге, так что мало кто знал о нас в то время. Одним из тех немногих был отец Иоасаф со Святой Горы, который много лет спустя упокоился в нашем монастыре, когда ему было около ста лет. В то время он жил как мирянин, и работал в Бостоне, хотя раньше был афонским монахом около сорока лет, ещё со времён своей юности. В описываемое время он носил светскую одежду, и брился, оставляя только усы. Отец Иоасаф часто навещал нас и, будучи хорошим поваром, приносил нам морепродукты и готовил для нас, видя, что мы довольно бедны. Поскольку он считал, по его словам, что «вышел из строя», не нося монашеские одежды в течение десяти лет своей жизни в США, то и решил тогда, что не будет во время служб стоять в церкви. А будет стоять вне часовни, в коридоре или в притворе, и, таким образом, сможет слышать Литургию или другие службы. «Когда же я снова оденусь как монах, - говорил он, - тогда и буду стоять в церкви со всеми».

Во время монашеского пострига отца Ефрема он стоял в коридоре, возле входа в часовню. Поэтому он мог наблюдать за постригом со своего места. Потом он перешёл в комнатку за алтарём, и стоял там до окончания службы.

После Малого входа, когда началось чинопоследование монашеского пострига, я стал задавать вопросы, на которые кандидат должен был дать ответ. Но отец Ефрем, у которого с самого начала перехватило дыхание, от охватившего его волнения не мог произнести ни слова. Поэтому я подтолкнул его и тихонько сказал ему: «Я не могу давать ответы за Вас. Вы сами должны отвечать. Поэтому соберитесь силами, и

ответьте на каждый вопрос». Он напряг все оставшиеся у него силы, и, через слёзы, постарался отвечать как можно чётче.

И тогда я увидел потрясающую вещь. По мере хода службы, отец Ефрем стал ослепительно белым - не бледным, нет, а белым - ярко-белым, как снег. Его лицо и руки буквально просияли белым цветом, а вовсе не побледнели, как это бывает иногда с людьми. Я был застигнут врасплох и не знал, что с этим делать. Я никогда не видел такого раньше. На мгновение я подумал, что он может потерять сознание и упасть в обморок. Я даже собирался попросить кого-нибудь принести стул, чтобы он мог сесть, когда вдруг эта белизна изнутри вспыхнула ярким бесцветным сиянием. Как будто он был сделан из гипса, и сквозь него сиял прекрасный яркий свет, рассеянный по всему его существу.

Я оглянулся на других присутствующих, чтобы увидеть, есть ли какие-либо признаки того, что они тоже что-то видели. На их лицах было выражение удивления, но, как и я, никто ничего не произнёс.

После Литургии у нас была трапеза, а затем, с пением догматика «Всемирную Славу», мы вернулись в церковь, чтобы прочесть молитву о снятии куколя.

Отец Иоасаф, который готовил для нас в тот день, затем попросил о разговоре со мной наедине. Когда мы были одни, он спросил меня, заметил ли я что-нибудь во время пострига? Когда я ответил ему, что действительно что-то произошло, то он поведал мне, что также заметил нечто удивительное, чего никогда раньше не видел за все те годы, когда был монахом на Святой Горе. Затем он начал рассказывать мне о том, что увидел. «Я посмотрел на отца Ефрема, - сказал он, - и увидел, что его лицо гладко выбрито. Это застало меня врасплох, и я подумал про себя, что никогда раньше такого не видел. Обычно, у постригаемого в монахи всегда есть борода, а этот - чисто выбрит... Может быть, полностью бриться перед постригом, а затем начинать заново отращивать бороду - это новая традиция, которую придумали эти странные американцы? Я знал, что отец Пантелеимон строго соблюдает традиции Святой Горы. Что же это за новшество, которое я вижу сейчас? Я никогда не видел подобного ни на одном из постригов, на которых был раньше. Я был ужасно возмущён этим, но ничего не мог сделать или сказать, пока постриг продолжался. Я собирался дождаться Литургии, чтобы поговорить с Вами. Но в тот момент лицо отца Ефрема вдруг стало ярким и сияющим. Затем, когда постриг завершился, и отец Ефрем стоял, держа крест и свечу, я вновь посмотрел на него и увидел, что его лицо по-прежнему сияло, но он уже опять был с бородой. Это было так, как будто она выросла в мгновение ока. После чего я находился в полном замешательстве. Какое-то время я видел его лицо без бороды, потом вдруг у него опять была борода. Была ли это иллюзия? Что такое мне примерещилось? Что сказать, если я не знаю, как это объяснить? Затем внезапно в моей голове промелькнул эпизод из событий мученической смерти святого первомученика и архидиакона Стефана, записанный в Деяниях святых Апостолов, в котором говорится: «И все, сидящие в Синагоге, смотря на него, видели лицо его, как лицо Ангела (Деян. 6:15)». Но Ангелы ведь безбороды! Именно это я, грешный, и удостоился лицезреть, когда увидел лицо отца Ефрема безбородым и сияющим, подобно лику Ангела».

Вот что отец Иоасаф рассказал мне. Затем и я рассказал ему о том, что видел. Каждый из нас видел так, как сподобил его Спаситель.

И тогда я вспомнил, как впервые увидел отца Ефрема ещё в бытность его семинаристом Георгием, когда его лицо было подобно зеркалу, вспыхивающему ослепительным светом, и я сохранил всё это в своем сердце, и много размышлял над случившимся.

Вскоре я написал обо всём нашей Синодии на Святой Горе, и отец Иосиф Киприот ответил мне, что все это свидетельствует о том, что кандидат (отец Ефрем), должно быть, действительно полностью отрёкся от себя и мира, принимая постриг, и надобно наблюдать за ним внимательно, ибо такое знамение предвещает что-то удивительное в нём, в будущем. Я также размышлял в своем сердце об откровениях, которые были мне даны Богом во время чтения пророчества Преполовения Пятидесятницы относительно тогдашнего Георгия: *«Как дождь и снег нисходят с неба и туда не возвращаются, пока не насытят землю и не сделают ее способною рождать и произращать, чтобы она давала семя сеятелю, и хлеб ядущему - так и слово Мое, которое исходит из уст Моих, - оно не возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего Я послал его...»*

После пострига отца Ефрема, у него последовали восемь или девять лет интенсивной духовной брани, после чего ему был дан от Бога редчайший дар бесстрастия (αλάρθεια). Его послушание было образцовым. Он никогда не помышлял о рукоположении в священный сан. У него был великолепный голос и певческий дар, и мы были счастливы иметь такого протопсалтиса. Он много лет трудился, перелагая церковные песнопения с византийской нотации на западную. Перевёл множество гимнов с греческого на английский, приспособивая их к традиционным напевам. Также он перевёл бесчисленные жития святых, особенно новомучеников времён мусульманского ига.

Годы нашей жизни проходили своим чередом, с неминуемыми взлётами и падениями. Я посещал те области страны, где возникали новые приходы, и брал с собой отца Ефрема, чтобы он пел там сам, и обучал для них новых певчих. Он неизменно был докладчиком на всех наших конференциях, и много лет занимался перепиской монастыря. Он был кроток и скромен в своих взаимоотношениях с людьми, просто и смиренно общаясь с окружающими.

В течение двадцати лет, пока мы находились в составе Русского Заграничного Синода, с митрополитом Филаретом - Новым Исповедником в качестве нашего правящего иерарха, у нас никогда не было даже и мысли о том, чтобы когда-либо иметь своего епископа. Все новые приходы, которые наш монастырь помог основать, находились под юрисдикцией соответствующих епархий, хоть епископы там и были русскими.

Однажды, когда Синод выразил желание сделать меня архимандритом, я в письменной форме ответил, что, по моему мнению, неразумно делать это, потому что это было бы неверно истолковано, и могло вызвать у некоторых желание образовать в Синоде отдельные епархии для англоговорящих и грекоязычных прихожан, как это уже ошибочно было сделано для румын и болгар, и из чего в итоге ничего хорошего не вышло. Поэтому целый год меня не возводили в сан архимандрита. Но впоследствии моё сопротивление сломали. И тогда Синод обязал меня носить во время соборных сослужений митру, что является обычаем для русских архимандритов. Но я категорически отказался, сказав, что грекоязычный мир не знает такого обычая, и будет шокирован. Я рассказал им об инциденте, произошедшем за несколько лет до

этого, когда один старостильный архимандрит-грек перешел из одной российской юрисдикции в другую, стремясь быть рукоположенным в епископа, и во время своего пребывания в митрополии, носил митру. Его сфотографировали в священническом облачении и в митре, и эта фотография была напечатана в одном из ранних номеров «Orthodox Typos» (*прим. - периодическое издание старостильной церкви Греции*), с язвительным комментарием про то, что этот архимандрит так хотел носить митру, что не мог дождаться, чтобы сделать это, став епископом, и надел её, когда был еще священником. Это вызвало в Греции большой скандал.

Нью-Йоркский Синод ответил мне, что во время богослужений я всё равно должен буду стоять, в соответствии со своим саном, вместе с другими архимандритами, за которыми следуют протопресвитеры и протоиереи, - все в митрах, - а я буду торчать среди них в черном клобуке, как простой священник. Я сообщил им, что это и было одной из причин того, почему я отказывался стать архимандритом, и что ни при каких обстоятельствах я никогда не буду носить митру. Так никогда и не одел.

Поскольку никогда не предполагалось, что кто-либо из монастыря когда-нибудь станет епископом, мы никогда не приобретали никаких епископских облачений. И когда возникла такая необходимость, у нас их просто не было.

Поскольку наш Первоиерарх Митрополит Филарет, являвшийся также нашим правящим епископом, был, наряду с другими епископами, исповедником веры, у нас не было никаких оправданных причин, в течение тех двадцати лет, что мы были при Русском Синоде, покидать этот Синод по причине веры, хоть время от времени другие, среди которых были отец Глеб Йенсен из Канады и отец Василий Саккас из Женевы, это делали.

Затем наступил роковой 1985 год, когда упокоился наш возлюбленный митрополит Филарет, и через несколько недель после его смерти начались сослужения, вплоть до епископских, с обновленцами и екуменистами.

Мы терпеливо целый год протестовали как в письменной форме, так и при личных встречах с новым митрополитом Виталием. Дважды я лично приезжал, - один раз в Монреаль, а затем в Нью-Йорк, - чтобы встретиться с митрополитом Виталием, и поговорить с ним о новой тенденции, возникшей после смерти митрополита-исповедника Филарета, прося его исправить совершенные ошибки, иначе результаты их могли бы оказаться весьма печальными для всех нас. Во время обоих этих визитов я брал с собой отца Ефрема, который тогда был еще простым монахом. Подробности этих посещений я описал в другом письме.

Когда в конце 1986 года мы окончательно покинули Российский Синод по причинам веры, исчерпав все средства для исправления ситуации, мы столкнулись с необходимостью иметь местного епископа для множества наших приходов и монашеских общин. На собрании всего нашего клира в церкви Святой Анны, (*прим. - в Бостоне*) всё духовенство смотрело на меня, ожидая, что именно я буду епископом. Когда я объявил им, что ни при каких обстоятельствах не соглашусь стать епископом, среди них произошло большое возмущение. Громче всех протестовал тогда против моего решения священник, который сегодня является одним из моих первейших обвинителей. Но я был непреклонен в своем решении, говоря, что если они будут настаивать, я просто исчезну и скроюсь, и они меня больше никогда не увидят.

Тогда отец Панайотис, приехавший из Торонто по этому случаю, встал и сказал духовенству: «Давайте не будем настаивать. Я хорошо знаю отца Пантелеимона, и он имеет в виду именно то, что говорит». После этого все священнослужители посмотрели на меня и спросили: «Но кто же тогда будет нашим епископом?» И я ответил им, сказав: «Отец Ефрем может быть вашим епископом. Я постился и много молился об этом. И это то, что мне было открыто от Бога».

Все они были застигнуты врасплох, поскольку отец Ефрем тогда не был ни дьяконом, ни священником. Он был простым монахом. Сам отец Ефрем был еще более удивлен, потому что я не сказал ничего раньше и ему.

Но явным признаком избранничества его Богом было то, что хоть никто из духовенства никогда и не предполагал о перспективе отца Ефрема стать епископом, поскольку он даже не стал священником за двадцать лет своего монашества, они не только согласились выбрать его своим епископом, но весьма обрадовались этому, озарившись одобрительными улыбками.

Когда я молюсь и прошу, чтобы наш Спаситель явил свою волю относительно определенного вопроса, я не ожидаю увидеть Ангела или услышать некие голоса, чтобы они сообщили её мне, потому что это наверняка приведет меня к прелести, но жду Откровения, приходящего, скорее, безмолвным образом через стих псалма, или отрывок из Священного Писания, либо через некое сокровенное внутреннее посещение, которыми Бог отвечает.

Таким образом, мы подготовились к тому, чтобы отец Ефрем стал диаконом и священником. Я присутствовал на обоих рукоположениях, и сослужил при них. Обе хиротонии были совершены здесь, в Америке (*прим. - в сан диакона он был рукоположен 17/30 января 1988 года, в праздник Святого Антония Великого, в бостонском Свято-Преображенском монастыре. А его посвящение в священство состоялось 19 января / 1 февраля 1988 года, в праздник Святителя Марка Эфесского, в церкви Святителя Марка Эфесского в Розлиндейле, штат Массачусетс. Оба рукоположения тогда совершил митрополит Кефалонийский Максим, по благословению Архиепископа Афинского Авксентия*).

Я не ожидал увидеть ничего экстраординарного во время рукоположения, но в обоих случаях после того, как молитва рукоположения, с возложением рук, была прочитана, и отец Ефрем восстал с колен, чтобы все могли пропеть «Аксиос», я увидел снова то же, что я увидел и при его пострижении в Великую Схиму. Он вновь стал сначала белоснежным, а затем воссиял, как яркий светильник.

Когда ему, наконец, надлежало быть рукоположенным в Греции во епископа, мы отправили его туда с одним из наших дьяконов, но из-за понесённых расходов ни я, ни кто-либо еще из монастыря не сопровождали его. Как я уже писал выше, поскольку ни я, ни кто-либо еще в монастыре никогда не ожидали, что он будет рукоположен в сан епископа, у нас не было епископских облачений. Таким образом, нам пришлось потратить большую сумму денег, чтобы купить митру, епископский посох, орлецы, облачения, дикирий и трикирий, и т. д. Некоторое поехали на его рукоположение из Бостона и других штатов самостоятельно.

Поэтому я не присутствовал на его епископском посвящении, но в момент его хиротонии искренне молился в монастыре.

Когда он наконец вернулся, я отправился вместе с отцом Исааком в аэропорт, чтобы встретить его. Пока мы ждали, чтобы забрать его багаж, отец Панайотис из Торонто,

который также присутствовал на его рукоположении, поскольку он и отец Ефрем были одноклассниками в Богословской школе, подошёл ко мне и сказал: «На рукоположении я увидел нечто такое чего никогда раньше не видел». Так как он был переполнен эмоциями, у него тогда перехватило дыхание, на его глазах появились слезы, и он не смог говорить дальше. И я сказал ему: «Я знаю, я знаю. Потому что я кое-что тоже видел, когда он постригался в монахи, а потом - когда он стал дьяконом и священником». Таким образом, я успокоил отца Панайотиса, и поскольку вокруг присутствовали другие люди, не продолжил этот разговор.

Это был первый раз, когда мне сообщили, что во время его епископской хиротонии произошло нечто удивительное. Позже и другие присутствовавшие там, рассказали мне, свидетелями чего они были.

Среди них выделяется Лемония Маринос из Афин в Греции. Будучи очень благочестивой женщиной, Лемония, который достигла сейчас преклонного возраста, но всё ещё жива [*прим. - это было написано в конце 2012; с тех пор Лемония упокоилась о Боже*], в молодости своей жила и работала в Бостоне. В 60-х годах она посещала наши службы на Orchard Street в Jamaica Plain. Затем, когда ей было около сорока лет, она вернулась в Грецию, вышла замуж и построила дом в Психико, в Афинах. Она сблизилась с нами, когда жила в Бостоне, да и у нас с ней сложились тёплые отношения. И вот, когда ей сообщили, что отец Ефрем должен быть рукоположен в епископы архиепископом Авксентием, она пришла на его хиротонию, и стояла там прямо в первых рядах.

Об этом она сообщила мне по телефону из Афин. «Я пришла пораньше, чтобы быть уверенной, что смогу встать впереди, чтобы ясно увидеть рукоположение. После того, как отца Ефрема обвели вокруг Святого Престола, и архиепископ Авксентий прочитал над ним молитвы о рукоположении, с возложением рук, я увидел одну изумительную вещь. Казалось, что на него сыпется прекрасный сверкающий снег, и, когда он встал с колен, и был облачаем в священные одежды, с пением «Аксиос», то каждый раз, когда на него надевали какую-либо деталь облачения, он становился белоснежным. Не бледным, нет, а ярким и ослепительно-белоснежным».

Затем, используя идиоматическое греческое выражение, она сказала: «Ἐφῆυε τὸ αἷμα ἄλὸ ἐλάνω τοῦ» (Кровь покинула его). Такого я никогда раньше не видела. Я видела, как люди становятся бледными, но отнюдь не белоснежными. На мгновение я подумала, что он сейчас скончается - упадёт в обморок и испустит дух. Я сказал сама себе: мы пришли сюда, чтобы увидеть рукоположение, но кажется, что будем присутствовать на похоронах. Затем эта белизна превратилась в блистающий яркий свет, и его вдруг помолодевшее лицо сияло этим светом».

Спустя примерно двадцать четыре года после произошедшего, миссис Лемония Маринос, достигнув преклонного возраста, сейчас живет в Афинах, и время от времени все еще рассказывает об этом по телефону.

Возлюбленные христиане, я изо всех сил постарался описать здесь как свой собственный опыт, касающийся монашеского пострига и рукоположений нашего митрополита Ефрема, так и рассказы двух других свидетелей, аналогичные моему повествованию, чтобы продемонстрировать, как на наших глазах вновь происходят изумительные вещи, описанные некогда в житиях святых, а также и то, что митрополит Ефрем был редким в наши дни благодатным человеком, освященным из чрева матери и предопределенным нашим Спасителем, чтобы пасти Его малое стадо, подобно

другим святым иерархам, под омофором которых мы ранее находились - митрополиту Филарету, архиепископу Сан-Францисскому Иоанну, архиепископу Андрею из Spring Valley, архиепископу Авксентию и другим.

Эти изумительные Откровения Божии во время его хиротоний также демонстрируют, что архиепископ Авксентий и те, кто остался с ним, были воистину благодатными иерархами, несмотря на утверждения раскольников из «киуситского» Синода о том, что раз архиепископ Авксентий и его окружение были низложены ими, то все его рукоположения были неканоническими из-за отсутствия благодати, и, следовательно, должны быть «упорядочены» для тех, кто захотел бы присоединиться к «киуситам» впоследствии. Так вот, как сами лишённые сана раскольники, так и те, кто будучи рукоположенными по линии благословенного архиепископа Аксентия, позже перешли к ним и дали своё согласие на то, чтобы их рукоположения были от тех «упорядочены», - все они одинаково согрешили против Святого Духа.

Я никогда не подвергал сомнению действительность рукоположений, совершённых архиепископом Авксентием, и уж тем более не считал, что они в чём-то ущербны.

Архиепископ Андрей из Spring Valley неоднократно, вплоть до своей мирной кончины и упокоения, говорил мне, что митрополит Филарет, который был нашим Первоиерархом и правящим епископом, - это преисполненный благодати православный епископ-исповедник, который никогда не предаст истину. Будь он сейчас жив, я, в свою очередь, ответил бы ему, что он не должен уверять меня в этом, потому что я и сам знаю это слишком хорошо. Я бы сказал ему: «Мы, будучи преданными нашими собственными епископами, изменившими Православию, пришли как духовные беженцы, в Российский Зарубежный Синод, и на собственном опыте познали, что митрополит Филарет является исключительным, преисполненным благодати иерархом. Каждый раз, когда мы слышим, как его имя поминают на Литургии, каждый раз, когда мы раскрываем священный антиминс, который он освятил, и видим его подпись, то по причине твёрдости его стояния в Православии, и от уверенности в том, что он никогда не предаст истину, мы ощущаем духовное наслаждение и внутренний мир».

Позже я испытал те же наслаждение, мир и уверенность в отношении архиепископа Авксентия и митрополита Ефрема.

Дорогие христиане, я написал все вышесказанное, чтобы сообщить всем, кто знал митрополита Ефрема в качестве своего епископа, что он был для нашего времени редчайшим человеком, подобным его предшественникам. Он был благодатным, кротким и смиренным иерархом, по образу нашего Первоиерарха и Пастыря, Господа Иисуса Христа. Благословенны вы, пасомые им! Храните в своих сердцах память о нём!

Многие, время от времени, спрашивают меня, что будет после его кончины. Раньше я задавал такой же вопрос относительно митрополита Филарета и архиепископа Авксентия, и святые люди говорили мне, что надо надеяться на Бога – ибо Господь Всемогуц, и заботится о Своей Святой Церкви в каждом людском поколении. Он верен Своему обещанию, что Его Святая Церковь пребудет на земле до скончания мира. Если будут найдены истинные верующие, тогда будет преемственность. Если будут верные души, Господь Иисус восставит для них и истинных иерархов, как Он это сделал для нашего поколения. Если нет, то для кого тогда будет нужна эта преемственность?

Будьте верными и уповайте на Господа, а Он промыслит о вас так, как делал это на протяжении веков!

Возлюбленные отцы и матери, христиане, в начале этого письма я процитировал стих из 67 Псалма. Я читаю Псалтирь с юности. Это - Церковная Псалтирь, на греческом языке, в переводе Семидесяти (*прим. – Септуагинта*), разделенная на кафизмы. Время от времени бывает так, что какой-нибудь стих вдруг выделяет себя. Как будто он выпрыгивает из текста, стремясь привлечь мое внимание. Тогда я задерживаюсь на нём, и он сам неким интуитивным образом преисполняет мои сердце и разум. В других случаях определенный стих привлекает мое внимание, и возникает любопытство относительно того, что же это значит.

Так было и со стихом 15 из Псалма 67. Кто же те «цари», которые были «поставлены» (*прим. – в современном английском языке слово «ordained» означает «рукоположены, поставлены в священный сан»*), и что означает фраза: «они станут белоснежными в Селмоне»? Поэтому я посмотрел этот стих в комментариях Евфимия Зигабена, отредактированных и расширенных святым Никодимом Святогорцем, и обнаружил, что святой Кирилл Александрийский и святой Афанасий Великий, а также святой Григорий Богослов понимали под «царями» здесь святых Апостолов, которые в день Пятидесятницы были рукоположены (*прим. – поставлены*), и сделаны белоснежными, став сияющими и яркими снисхождением Святого Духа. А Феодор Антиохийский понимал «Сельмон» как Салем, то есть Иерусалим.

После пострига и рукоположения (в диакона, в священника, и в епископа) митрополита Ефрема, этот стих всегда приходил мне на ум, так как он сначала стал белоснежным, а затем стал сияющим и ярким во время всех этих четырех событий.

Слава Богу, что мы удостоились даже в эти последние дни видеть то, что описано в Писании и житиях Святых!

Теперь, когда как моя греховность, так и митрополит Ефрем покинули эту жизнь, пожалуйста, помолитесь за нас, и пусть наш Спаситель благословит и сохранит вас всех! Аминь.

С великой любовью о Господе Иисусе,
Ваш молитвенник,
+ грешный Пантелеимон, монах-пилигрим

Отдание праздника Святителя Спиридона Тримифунтского, 12 декабря 2012 г.

Скит Святых Апостолов
Йорк, Мэн.